

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 271.2+070.1

DOI: 10.17223/19986645/59/17

Рецензия на книгу: Демченков С.А. Последний из великих пророков (библейская пророческая традиция в «Житии» пророка Аввакума). – М. ; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 256 с.

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена пророку Аввакуму – одной из самых ярких и загадочных фигур в истории Древней Руси. Оценки его личности и деятельности крайне противоречивы: пустозерского узника называют и величайшим на Руси еретиком и святым; и дерзким литературным новатором, и последовательным традиционалистом. Ключ к пониманию «мятежного пророка» как человека и писателя дает главное его творение – автобиографическое «Житие». Изучение идейно-философской и жанровой специфики этого

памятника в аспекте библейской пророческой традиции позволяет сделать вывод, что перед нами не модернизированный агиографический текст, не «первая ласточка» русского реалистического романа и даже не духовное завещание, а... книга пророка, обнаруживающая последовательную ориентацию на ветхо- и новозаветные образцы и осмысляемая Аввакумом как самоотчет вестника Божия об исполнении и порученной ему свыше миссии.

Книга адресована литературоведам, историкам, философам, культурологам и религиоведам, а также всем, кого интересует личность пророка Аввакума и самобытная русская культура XVII в.

Проблема жанра Жития Аввакума до сих пор остается одной из актуальных в медиевистике, хотя в настоящее время существует значительное количество работ, посвященных изучению жанровой специфики этого памятника. Исследователи рассматривали Житие и как сочинение, которое не вписывается в жанровую парадигму древнерусской литературы, так как содержит зачатки крупных повествовательных форм XIX–XX вв. [1, 2], и, напротив, как сочинение, написанное в традициях русской средневековой словесности. Полижанровый характер Жития позволяет трактовать его как автобиографию [3, 4], «исповедь-проповедь» [5], духовное завещание [6] и

как сочинение, принадлежащее к житийной традиции, получившей под пером Аввакума творческое развитие [7], и т.д.

Ценность рецензируемой работы в том, что в ней С.А. Демченков предлагает собственный опыт прочтения названного сочинения – в контексте библейской пророческой традиции, формулируя свою позицию на основе детального анализа обширной библиографии, посвященной творчеству Аввакума. Основная, по мнению автора, целевая установка Жития заключается в том, что «свою жизнь и “Житие” Аввакум мыслил пророчеством “конца времен”» (с. 8), она предполагает рассмотрение широкого круга литературоведческих, культурологических и религиозоведческих проблем, чем определяется структура данной монографии, состоящей из трех глав: первой – «Пророчество как откровение и как жанр» (с. 13–66), второй – «“Житие” протопопа Аввакума на перекрестье традиций» (с. 67–140), третьей – «Пророчество протопопа Аввакума» (с. 141–213).

В первой главе, выявляя истоки библейского пророчества, автор монографии обращается к вопросу о соотношении двух формально схожих, но нетождественных феноменов – пророчествования и шаманизма. Несмотря на их различие, с точки зрения исследователя, образ библейского пророка – результат трансформации образа мифологического героя-первопредка» (с. 23). В целом этапы трансформации образа пророка прослеживаются от XV в. до н. э., когда складываются сюжеты преданий о библейских патриархах и живы многие черты мифологического сознания, до финальной стадии, как в книгах Царств и в собственно пророческих творениях (с. 23–27).

Далее в первой главе рассматриваются особенности пророчества как жанра. Рассуждение начинается с весьма важного вопроса о соотношении устной основы и письменных традиций. Как отмечает С.А. Демченков, пророчество – жанр, изначально зародившийся в русле устной традиции, но с момента зарождения тяготеющий к книжной, так как в нем чрезвычайно сильно личностное начало – особенность, определившая основные черты поэтики жанра (с. 33). К ним исследователь относит следующие: полижанровый характер (с доминантной ролью в его основе проповеди и видения); сочетание повышенной эмоциональности и субъективизма с установкой на достоверность; «раздвоение» авторского «я», т. е. фигура пророка включает два начала: собственно человеческое и пророческое (способность стать глашатаем Всевышнего); тенденция к раскрытию внутреннего мира автора-героя; тенденция к автобиографизму; наличие стандартного зачина и композиционных скреп-обращений; диалогизм (с. 48).

Во второй главе автор акцентирует внимание на функции жанров библейских книг как сакральных образцов, на которые ориентируются средневековые книжники при написании своих сочинений. Это одна из ключевых идей для понимания поэтики Жития протопопа Аввакума, вписывающегося, как уже отмечалось ранее, в парадигму традиционной древнерусской словесности, хотя в нем присутствуют и признаки «слома» поэтики Средневековья.

Еще одна важная идея для понимания поэтики Жития и его смысла в целом (непосредственно связанная с первой) – идея средневекового символизма, благодаря которому все явления и каждая вещь в мире воспринимаются человеком эпохи Средневековья как результат творения, несущий в себе отпечаток божественного совершенства. В свете названной идеи в монографии рассматривается конфликт между никонианами и поборниками «старой веры», делается вывод, что, с позиции последних, рациональная цель никоновских реформ – унификация богослужебной практики греческой и русской православных церквей (к чему, например, относится замена двоеперстного знамения троеперстным, написание имени «Иисус» с двумя «и», а не с одним и т.д.), по сути, «расподобление» сакральной символики. Как пишет исследователь, «в итоге, как представлялось ревнителям «старой веры», под личиной православия на Руси грозило установиться нечто худшее, чем язычество. Этим в значительной мере объясняется апокалиптической настрой вдохновителей раскола, “огнепальность” их устных и письменных выступлений, а также готовность большинства из них идти в своей борьбе за веру Христову до последней, смертной черты» (с. 100).

Идея Жития Аввакума как апокалиптического пророчества развивается в третьей главе монографии. В частности, исследователем показано, что Аввакум, подобно пророку Апокалипсиса, выступает с проповедью «конца времен», но в отличие от апокалиптиков он, как и древнееврейские «наби», надеется на благополучную развязку событий, возможную благодаря грандиозному искупительному акту, «который станет триумфальным завершением его пророческой миссии» (с. 164). Стоит отметить, что, анализируя Житие в контексте библейских пророчеств, С.А. Демченков выявляет в произведении Аввакума синтез жанровых черт ветхо- и новозаветных пророчеств.

В качестве других наиболее интересных наблюдений, сделанных исследователем в данной главе, можно указать на установленную им тройственную структуру образа автора Жития Аввакума, включающего план автора-человека, героя-пророка, героя-человека (с. 173–176) (в предшествующих работах ученых, например А.Н. Робинсоном, говорилось о двойственной структуре авторского образа протопопы Аввакума в Житии). Эта «триада», по мнению А.С. Демченкова, прослеживается и в ветхозаветных пророчествах. Что весьма любопытно, он рассматривает три этих повествовательных плана в библейской книге пророка Аввакума, образ которого, безусловно, преломляется в Житии протопопы Аввакума [8]. Также определенный интерес представляет и анализ построения сюжета произведения Аввакума, имеющего, помимо биографического, явный символический план. Как показано в исследовании, этот сюжетный план формируется при помощи традиционных приемов агиографии, которые Аввакум использует иначе, чем его предшественники, решая в своем сочинении новые художественные задачи. Так, например, описывая собственную биографию, он, подобно авторам житий святых, соотносит события ключевых этапов своей жизни и земной жизни Христа (воплощение, крещение, распятие и вос-

кресение). С точки зрения древнерусского книжника, сближение событий жизни простого человека (кем, собственно, был автор Жития) и сына Божьего было недопустимой дерзостью, но тем не менее протопоп Аввакум остается в рамках традиции, выстраивая свое повествование, по словам исследователя, без «излишней прямолинейности, лишь пунктирно намечая “параллели” (с жизнью Христа. – Т.К.) в узловых точках своей биографии» (с. 204).

Безусловно, С.А. Демченкову удалось в монографии аргументированно доказать свою позицию и продемонстрировать жанровые черты библейских пророчеств, рассматривая разные уровни организации Жития Аввакума. Но, на наш взгляд, определение исследователем жанра Жития как апокалиптического пророчества несколько категорично. В отличие от библейских пророчеств, в Житии отражается весьма сложное мироощущение его автора: богатая палитра чувств Аввакума не прослеживается ни у одного из писателей русского Средневековья [9] (заметим, что «внутренний» мир библейских пророков также значительно уже и однозначнее, поскольку эти герои представляют собой в повествовании прежде всего «чистую» функцию). Именно богатство, неповторимость мироощущения Аввакума обуславливают широту и разнообразие содержательного и смыслового планов его сочинения, что в конечном счете и позволяет исследователям выявлять разные жанровые составляющие, уникальное сочетание которых характеризует Житие.

Монография А.С. Демченкова представляет собой опыт концептуального осмысления проблем, связанных с исследованием жанра пророчества, а кроме того, добавляет еще одну грань к пониманию авторской поэтики неисчерпаемого произведения Аввакума.

Литература

1. Гусев В.Е. К вопросу о жанре Жития протопopa Аввакума // ТОДРЛ. М. ; Л., 1958. Т. 15. С. 192–202.
2. Кожин В.В. Происхождение романа. М., 1963. С. 228.
3. Гудзий Н.К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление // Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1934. С.7–59.
4. Zenkovsky S.A. Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1956. Jrg. 1. H. 3. S. 286–289.
5. Робинсон А.Н. Исповедь-проповедь: о художественности «Жития» Аввакума // Историко-филологические исследования : сб. ст. к 75-летию акад. Н.И. Конрада. М., 1967. С. 358–370.
6. Поньрко Н.В. Житие протопopa Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. М. ; Л. 1985. Т. 39. С. 379–387.
7. Демкова Н.С. О жанровой ориентации автобиографических «Житий» протопopa Аввакума и инока Епифания // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 67–80.
8. Климова М.Н. Из агиографических комментариев к Житию протопopa Аввакума («чудо в Андроньевом монастыре» и Житие протопopa Аввакума) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 36–41.
9. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М. ; Л., 1958. С. 157.

Т.И. Ковалева

Book Review: Demchenkov, S.A. (2018) *Posledniy iz Velikikh Prorokov (Bibleyskaya Profeticheskaya Traditsiya v "Zhitiy" Protopopa Avvakuma)* [The Last of the Great Prophets (Biblical Prophetic Tradition in *The Life of the Archpriest Avvakum, by Himself*]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 262–267. DOI: 10.17223/19986645/59/16

Tatiana I. Kovaleva, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: tkvl@inbox.ru

This monograph is devoted to protopope Avvakum who was the one of the brightest and mysterious figures in the history of Old Russia. Assessments of his personality and activity are contradictory: the Pustozersk prisoner Avvakum is called the greatest heretic and a saint, a literary innovator and a consistent traditionalist. The key to the understanding of the “rebellious protopope” as a person and a writer is his main writing, that is *The Life of the Archpriest Avvakum, by Himself*. The investigation of the concept, philosophical and genre specifics of this monument in the aspect of the biblical prophetic tradition demonstrates that *The Life of the Archpriest Avvakum* is not a modernized hagiographic text, not the first Russian realistic novel and not a Spiritual Testament, but a prophet book that is written according to the model of the Old and the New Testaments. Avvakum interprets his own life as a self-report on the execution of the mission assigned to him by God.

The monograph is intended for literary scholars, historians, philosophers, culturologists, religion scholars and those interested in the figure of protopope Avvakum and the original Russian culture of the 17th century.

References

1. Gusev, V.E. (1958) K voprosu o zhanre Zhitiya protopopa Avvakuma [On the genre of “The Life of the Archpriest Avvakum”]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 15. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Kozhinov, V.V. (1963) *Proiskhozhdenie romana* [The origin of the novel]. Moscow: Sovetskiy pisatel’.
3. Gudziy, N.K. (1934) Protopop Avvakum kak pisatel’ i kak kul’turno-istoricheskoe yavlenie [Protopope Avvakum as a writer and as a cultural-historical phenomenon]. In: Gudziy, N.K. (ed.) *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* [“The Life of the Archpriest Avvakum, by Himself”, and his other works]. Moscow: Academia.
4. Zenkovsky, S.A. (1956) Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie. *Die Welt der Slaven*. Wiesbaden, Jrg. 1. H. 3. pp. 286–289.
5. Robinson, A.N. (1967) Ispoved’-propoved’: o khudozhestvennosti “Zhitiya” Avvakuma [Confession-preaching: on the artistry of “The Life of the Archpriest Avvakum”]. In: Khrapchenko, M.B. (ed.) *Istoriko-filologicheskie issledovaniya: sb. st. k 75-letiyu akad. N.I. Konrada* [Historical and philological studies: collection of articles to the 75th anniversary of Academician N.I. Konrad]. Moscow: Nauka.
6. Ponyrko, N.V. (1985) Zhitie protopopa Avvakuma kak dukhovnoe zaveshchanie [“The Life of the Archpriest Avvakum” as a spiritual testament]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 39. Moscow; Leningrad: Nauka.
7. Demkova, N.S. (2008) O zhanrovoy orientatsii avtobiograficheskikh “Zhitiy” protopopa Avvakuma i inoka Epifaniya [On the genre of the autobiographical “Lives” of protopope Avvakum and the monk Epiphanius]. In: Pokrovskiy, N.N. & Silantiev, I.V. (eds) *Poetika russkoy literatury v istoriko-kul’turnom kontekste* [Poetics of Russian literature in a historical and cultural context]. Novosibirsk: Nauka.

8. Klimova, M.N. (2012) Iz agiograficheskikh kommentariiev k Zhitiyu protopopa Avvakuma ("chudo v Andron'evom monastyre" i Zhitie protopopa Avvakuma) [From the hagiographic commentaries on "The Life of the Archpriest Avvakum" ("the miracle in the Androniev Monastery" and "The Life of the Archpriest Avvakum")]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 36–41.

9. Likhachev, D.S. (1958) *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Man in the literature of ancient Russia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.